

Агата Бариста

Тук-тук-тук в ворота рая

Часть сборника
*Мир Стругацких. Рассвет и
Полдень (сборник)*

Агата Бариста

Тук-тук-тук в ворота рая

«ЭКСМО»

2017

Бариста А.

Тук-тук-тук в ворота рая / А. Бариста — «Эксмо», 2017

«Уверена, в прошлом каждого таится тот самый момент озарения, когда из-за горизонта неотвратимо всплывала и заслоняла собой полнеба темная мыслишка: „Я не такой, как другие“. У большинства, в сущности, нет, не было и не будет никаких оснований для подобного утверждения... уж поверьте, к счастью для этого большинства. Это озарение лживо, как скидка в супермаркете, оно химера, сигаретный дым – чем скорее догадаетесь открыть форточку и проветрить, тем лучше для вас...»

© Бариста А., 2017

© Эксмо, 2017

Агата Бариста

Тук-тук-тук в ворота рая

Уверена, в прошлом каждого таится тот самый момент озарения, когда из-за горизонта неотвратимо всплывала и заслоняла собой полнеба темная мыслишка: «Я не такой, как другие». У большинства, в сущности, нет, не было и не будет никаких оснований для подобного утверждения... уж поверьте, к счастью для этого большинства. Это озарение лживо, как скидка в супермаркете, оно химера, сигаретный дым – чем скорее догадаетесь открыть форточку и проветрить, тем лучше для вас.

А со мной произошла еще более глупая история. Никаких озарений – черная овца безмятежно семенила посреди белого стада. Я, конечно, знала, что слишком хороша, но кого и когда это тревожило? До поры до времени я и не подозревала, что со мной что-то не так, пока добрые люди не подсказали.

Первый звонок прозвенел из ржаво напомаженных уст соседки, тетушки Мьюриэль. Жили мы тогда на Пороховой – пыльной, скучной улице, недалеко от бывшего завода, разрушенного в день Посещения... никогда не любила места, в которых выросла.

Хармонт.

Пересохшая болотная заводь, где мужья поколачивали друг друга и жен, а жены патрулировали окрестные территории с неослабевающим азартом доберманов. Мне шел пятнадцатый год; пружина, заложенная в моем теле Зоной, начала раскручиваться, и муж тетушки Мьюриэль, дядя Гумбил, стал на меня засматриваться.

Участки, на которых стояли дома по Пороховой, были крошечными. Дядя Гумбил, переставив скамейку в своем дворе поближе к забору из серого некрашеного штакетника, получил возможность наблюдать за жизнью нашего семейства, как на экране телевизора. Впрочем, из семейства интересовала соседка только я. Каждый раз, когда во дворе появлялся папаша, скамейка оказывалась пустой. Но стоило мне выйти из дома, как дяде Гумбилу немедленно приспичивало подышать свежим воздухом.

Разумеется, в скором времени я заметила маневры дяди Гумбила и решила, что это забавно. Такое любопытство меня нисколько не удивило – окружающие давно уже рассматривали меня, как картину дель Винчи, общаривали удивленными глазами, приговаривая: «Дочка-то у вас как с картинки, мистер Барбридж!» Поэтому я сочла внимание дяди Гумбила вещью вполне естественной и даже само собой разумеющейся. В самом деле, ну не любоваться же ему осыпающимся фасадом тетушки Мьюриэль! Конечно, я, дуреха, не подозревающая о своей природе, принялась его поддразнивать. Запрыгивала на скрипучие качели в своей самой короткой юбке – белой, в широкую черную продольную полоску, и начинала отчаянно раскачиваться до небес, радостно дрыгая в вышине длинными загорелыми ногами, и соседская сигаретка неизменно выпадала из мокрого полураскрытого рта.

В один прекрасный день до тетушки Мьюриэль дошло. Дядя Гумбил увлекся созерцанием и пропустил момент, когда его жена неслышно подошла сзади со свежей газетой в руках. Видимо, нескольких минут ей хватило, чтобы смекнуть, что к чему. Ох, и подняла же она крик! Тетушка Мьюриэль лупила мужа газетой по жухлой шевелюре и вопила:

– Дурень, вот же старый дурень! Ишь, что удумал! Ведь убьет тебя Битюг, ей-богу убьет! Совсем сбрендил на старости лет! – И далее в том же духе.

Наивно полагая, что в разыгрывающейся драме я являюсь лицом, в сущности, посторонним (нет на свете никого глупее девчонок-подростков), я слезла с качелей и подошла поближе, чтобы насладиться скандалом. Совершенно неожиданно соседка бросила терзать мужа и переключилась на мою персону. Вот тут-то и прозвучало первый раз, что я не такая, как все, причем не в лучшем смысле этого выражения.

С гримасой человека, бьющего тапкой по мадагаскарскому таракану, тетушка Мьюриэль честила меня распоследними словами. Сколько раз впоследствии видела я подобное выражение на женских лицах, всегда одинаковое, будто все они как одна состояли в тайном обществе «Против ограбления старушек, поджога сиротских приютов и Дины Барбридж»; в их неприятии было что-то от инстинкта, намертво впечатанного в ткани мозга.

...Мать умерла, когда я была совсем маленькой, неудачно упала с чердачной лестницы. В памяти ничего не осталось, только на старой фотографии, которую я часто разглядывала, бледнел узкий не улыбочивый овал с большими тревожными глазами... я до сих пор гадаю – а что, если и на этом лице я заметила бы судорогу неприязни?

Итак, тетушка Мьюриэль продолжала извергать дым и пламя, и неожиданно в числе прочего я вдруг услышала – «отродье Зоны», «мутантка проклятушая» и «ходячая аномалия». Помню свое глубочайшее изумление. Все в Хармонте знали, что дети сталкеров через одного рождаются с некоторыми отклонениями в развитии, а иногда и попросту уродами, но при чем здесь я? Мир начинал улыбаться при моем появлении, окружающие не раз давали понять, что я – само совершенство, папин ангелочек. И вдруг – «мутантка»... где?!

Если б я тогда уже курила, сигаретка точно выпала бы из моего разинутого рта.

Непроизвольно я взглянула на свои руки – вдруг померещилось, что они покрылись короткой жесткой рыжей шерстью. Всего на один миг – но это было! – испуг острым шильцем кольнул меня в сердце, и я поспешила укрыться в единственном доступном мне убежище – в нашем кособоком домишке.

Вечером, неумело подбирая слова, я спросила отца, которого тогда еще называла отцом, что со мной не так.

Он долго пытался дознаться, кто это сказал да при каких обстоятельствах, но я не стала закладывать соседку, потому что пожалела – не ее, а глупого дядю Гумбила. Отец действительно мог его убить, Битюгом его прозвали недаром. Не добившись ответа, папаша нехотя объяснил, что злые люди просто завидуют моей потрясающей внешности и что я должна только радоваться, что так выделяюсь из общей серой массы.

Эти слова не принесли желаемой ясности. Однако спрашивать еще у кого-либо я не решилась, даже у Артура. Несмотря на то что мы с братом являлись близнецами, душевных бесед меж нами не велось, мы были из разных миров. Я – ночь, Арчи – день. Он всегда был далеко, летел на своей волне, и невинная мальчишеская радость рассекала волны рядом.

Со временем этот случай позабылся, тем более что вскоре мы уехали с Пороховой и стали жить совсем в другом месте. Но спустя какое-то время – год, два, точно не помню, меня остановила на улице незнакомая женщина в черных одеждах, которые веяли по ветру, как длинные перья какой-то фантастической вороны, и начала что-то невнятно блажить мне в лицо. В ее горле свистела и клочкотала ненависть, заливавшая разъедающей пеной смысл слов. Поэтому я не сразу поняла, что это мать одного из неудачников, ходившего с отцом в Зону и не вернувшегося оттуда. Седая и растрепанная, эта женщина называла отца Стервятником, причем обвиняла его не только в гибели сына, но и в гибели других напарников отца. А в отношении меня снова прозвучало «отродье Зоны». На этот раз я не растерялась. Я вцепилась в незнакомку как клещ, вывернула ей руку и потребовала объяснений.

Полубезумная старуха забормотала про какой-то Золотой Шар, покоящийся в глупине Зоны и исполняющий желания каждого, кто до него доберется. Что я-де ненастоящая, пустышка, кукла, набитая примитивными фантазиями моего отца. И еще она сказала, что той славной девочки, что родила моя мать, давно не существует, девочка умерла в тот день, когда Стервятник добрался до Шара.

Обескураженная услышанным, я выпустила ведьму, и она стала пятиться от меня, а потом все тем же свистящим от ярости голосом велела передать отцу, что если он еще раз

вернется из Зоны один, его пристрелят, как бешеную собаку. Плюнув мне в ноги, она повернулась и побрела прочь.

Я стояла и смотрела ей вслед.

Улица была пустынна, медное солнце мертво стояло в зените. Знойный воздух дрожал как в лихорадке, черные одежды трепетали, словно жили своей собственной жизнью, стремясь оторваться, взлететь к небу и унести старуху к пропавшему сыну, а у меня перед глазами проплывали рваные клочья темной паутины.

Вернувшись домой и застав отца на кухне, я коротко передала предупреждение.

Отец окинул меня хмурым взглядом, достал из навесного шкафчика бутылку, наполнил стакан на три четверти и залпом осушил его.

– Не слушай никого, детка, – тускло улыбнулся он, выдохнув в сторону. – Все это вранье. Я никого силком в Зону не тяну. Сами напрашиваются. А дальше – как повезет. Зона, она удачливых любит. Удальца пропустит, малахольного сожрет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.